

Дмитрий ВОРОНИН

ГИБЛОЕ МЕСТО

Известный на всю страну модный художник-портретист Миколас Самсонавас отправился в творческую поездку по Нечерноземью. Богемная столичная жизнь последних десяти лет почти полностью опустошила Миколаса, заставляя его всё чаще и чаще менять свои волшебные кисти на бокал вина или рюмку водки. Да и от картин, которые Миколас всё же время от времени писал, удовольствия не получалось.

«Вся жизнь — дерьмо, — жаловался он по пьяни своим очередным собутыльникам. — Не то всё, не так. Одни рожи лишь рисую. А в них только жадность да подлость, гнусность да пошлость, тупость да жлобство. Ни капли человеческого, сплошь рога, копыта и мерзкие ухмылки. Один бесконечный мелодраматический триллер. Уехать бы куда, на лица нормальные посмотреть, на завалинке поутру посидеть, петухов послушать, молока парного испить вместо этой водки проклятой, будь она неладна!»

И вот ехал Миколас в купейном вагоне, потягивал потихонечку коньячок и любовался в окно сменяющимися друг друга пейзажами. Сердце художника радостно стучало в такт железнодорожному перестуку, наполняя Миколаса чудесными предчувствиями.

«Боже, какой я дурак, какой дурак, что двадцать лет проковырялся в этом столичном дерьме! Столько времени зря убил, — думал Самсонавас. — Нет, нет, больше и за сто миллионов меня назад не затянешь. Только туда, вперёд, к народу, к истинной Руси, к корням, в глубинку! Там черпать самое лучшее, самое благородное, самое одухотворённое! И свою душу лечить, лечить и лечить. И Бога молить о прощении. В церквушке какой-нибудь самой захудалой. И чтоб без помпы и красотостей, а по-настоящему лбом оземь, и с батюшкой-подвижником. С беседами с ним философскими за чашечкой чая да с баранками. Ах, красота!»

С такими благостными думами и уснул Миколас Самсонавас, откинувшись на стенку купе.

В областном центре встречали художника с цветами и хлебом-солью девушки в сарафанах. Местная элита счастливо улыбалась приезду знаменитого гостя, нахваливая его незаурядный дар и великие успехи.

— Миколас, ваши портреты, они такие, такие! Они — как Джоконда да Винчи и квадрат Малевича в одном лице и даже лучше! — придыхала перед Самсонавасом молодая жена губернатора. — Я как их увидела, так в их и влюбилась без памяти с первого взгляда и до конца. Я так надеюсь в мечтах, что и моё скромное лицо ляжет красками на холст в портрете от вашей гениальной руки с кистями. И мои дети тоже в мечтах, даже в школу не ходят, всё ждут вашего приезда и позирования. А уж Матвей Гаврилович, муж мой, так он просто бредит вашими картинами. Он и в Эрмитаж в Кремле ходит, когда в Москве в гостях у президента бывает. Придёт в Эрмитаж, встанет перед картиной и любителю на неё с наслаждением. Вы ведь, Миколас, президента в натуре рисовали, у нас горюет? Как он вам в натуре показался? Великий человек?

«Бред, — тряхнул головой Самсонавас, пытаюсь избавиться от наваждения, — дурдом похлеще московского! Видать, от приёма не избавишься. Поем — и сразу же в глубинку, подальше от этого невежества».

На вечернем приёме Миколас Самсонавас пил, ел и выслушивал всякие глупости.

— Вы, Миколас, Литвинову рисовали? Как она вам в обнажении? — пыталась Самсонаваса толстая жена начальника областной милиции. — Говорят, тоща, как скелетина, и еле ходит от диеты.

— А правда, что у Пугачёвой груди из накладного силикона и каждая по восемь килограммов веса? — интересовалась плоскогрудая владелица местных супермаркетов.

— У нас тут спор меж своими возник, что Церетели Петра Первого с Лужкова слепил, — чокнулся с Миколасом бокалом с шампанским губернатор. — А некоторые прямо указывают на Грызлова. Ты к кому склоняешься?

— А вы к кому?

— Хитёр, брат, на мякине не проведёшь, — погрозил пальцем Самсонавасу губернатор. — Вот что значит столичная закваска!

— Нам тут сказывали, что вы голову Ленина для Зюганова в мавзолее спозировали, — нервно дёрнул художника за рукав лидер областных коммунистов.

— Для чего? — от неожиданности Миколас расплескал полфужера коньяка.

— Для истории. Ну, и как она?

— Кто?

— Голова.

- Мёртвая, — разозлился Миколас глупейшему вопросу, — мертвее не бывает.
- Ну да, ну да, мы, в общем-то, так это и предполагали, — спрятался за многочисленные спины коммунист.
- А что, были сомнения? — прокричал вслед ему Самсонавас.
- Не обращай на него внимания, они уже в прошлом, — приобнял за плечи Миколаса местный банкир, увлекая его за собой на балкон. — А нам бы с тобой о будущем перетереть.
- В каком смысле?
- В смысле вложений. У нас тут как бы кризис небольшой наметился, так вот хочу узнать напрямую, с первых, так сказать, уст. Твои картинки что, действительно бабок стоят? Или это всё туфта?
- Ну, стоят, наверное, раз покупают.
- Ты мне не винти, ты мне как на духу, как перед папой скажи, стоят или нет? — пыхнул сигарным дымом в лицо художнику банкир.
- Стоят, стоят, — поморщился от бандитской выходки Миколас.
- Ну, смотри, не обмани, — фамиллярно похлопал по плечу Самсонаваса банкир. — Мы тут с пацанами решили в тебя вложиться. В Москве уже кое-что прикупили и здесь, надеюсь, прикупим. Ты же сюда рисовать приехал?
- Ну да, — кивнул Миколас.
- Так и давай рисуй. Вон сколько мурла вокруг крутится. Мы с пацанами всё скупим, что нарисуешь. Если там краски, кисти, бумага нужна, ты говори сразу, не тушуйся — всё привезем, хоть весь склад лакокрасочных изделий.
- Спасибо, конечно, но я здесь задерживаться не хотел бы, у меня другие планы.
- Это какие? — нахмурился банкир.
- Хочу в глубинку проехать, поближе к народу, там найти новые сюжеты.
- Ты чё, охренел? — ругнулся банкир. — Кто ж тебе за обыкновенных колхозников платить будет? Они ж не стоят ничего. А тут вон золотое дно, от губернатора до прокурора.
- Шедевры не от званий зависят.
- А от чего?
- От мастерства, — тяжело вздохнул Миколас. — Шишкина знаешь?
- Ну, — согласно кивнул банкир. — Про медведей у него и про рожь.
- Во-во. А людей ты там видел на его картинах?
- Нет, не видел.
- Вот видишь, у него на полотнах один лес, и стоит он побольше, чем любой из моих портретов.
- А-а-а, — задумчиво согласился банкир.
- Вот тебе и «а-а-а». Потому и в глубинку хочу. Понял?
- Теперь понял.
- Ну, а если понял, избавь меня от этих рож и отвези куда-нибудь подальше от цивилизации.
- Договорились, завтра с утра будь готов.
- На следующее утро крутой внедорожник увозил художника на север всё дальше и дальше от областного центра.
- Куда теперь, начальник? — поинтересовался водитель, промчавшись мимо очередного городка. — Дальше скоро другая область, а мне туда без пахана въезд заказан.
- Через пару километров поворот на Шишку, не пропусти, — ещё раз взглянул на карту Самсонавас.
- Что за Шишка такая? Не слышал ни разу, — пожал плечами водитель.
- Судя по карте, километров сорок к северу от трассы будет.
- А дорога какая?
- А чего тебе дорога? — похлопал по панели Миколас. — У тебя такой танк, он и без дороги запросто пройдёт.
- Не скажи. Пахан, знаешь, за каждую царапину спросит.
- Не бойсь, за всё заплачено, — усмехнулся художник.
- Свернув с магистрали, внедорожник ещё километров десять катил по асфальту, потом столько же по просёлку и оставшиеся километры — по совершеннейшему бездорожью.
- Может, заблудились? — занервничал водитель, потеряв терпение. — Чёрт знает, как тут ориентироваться, — всё бурьяном заросло, едем почти на ощупь. Да и наши поговаривали, что места в этой стороне гиблые.
- Да нет, всё нормально, вон и изба на взгорке виднеется, — указал вперёд Миколас.
- У покосившегося, потемневшего от времени деревянного дома, обнесённого полуистлевшим штакетником, сидел сморщенный сгорбленный дед, одетый, несмотря на августовский тёплый день, в зимнюю шапку-ушанку, старую издёрганную фуфайку, ватные

штаны и валенки.

— Не жарко, папаша? — обратился к нему Миколас. — Не рано ль зиму встречаешь?

— Она у нас и не кончалась, сынок, — беззубо улыбнулся старик.

— А это что? — повёл рукой вокруг Миколас, указывая на разнотравье.

— А этот видимость, обманка, — хихикнул дедок.

— Да чё ты с ним базаришь, — встрял в разговор водитель. — Не видишь, нажратый с утра и бредит. Ты, дед, лучше спой, как до Шишков нам добраться.

— И петь тут нечего, вы ить ужо в Шишках.

Водитель оглянулся кругом, но кроме дедовой избы никаких построек не обнаружил.

— Чё ты дуру гонишь, чё гонишь! — набычился он на старика. — Где Шишки, показывай!

— Так ить где? — не испугался сурового взгляда старик и махнул ладонью в сторону.

— Вязде. Тут Шишки, и за энтим оврагом Шишки. В них Гнат Шишков жавёт. И за тем перелеском Шишки. Тамоть Агафа Шишкова с Авдотой Шишковой жавуть. А за тем вона полем, вона на холме крыша выдается, тамоть Кириян, мой брательник, жавёт с жаною Марусей, и тожа в Шишках. Ну, а тамоть, откудать вы приехали, тамоть Петка и Федка жавуть, тоже брательники, из трахтуристов, безжённые. И у них Шишки. Так какие вам надоть?

— Офигеть! — вылупил глаза на деда водитель.

— Папаша, — чуть подумав, обратился Миколас к старику. — Я в отпуск приехал из Москвы, хотел месяца три-четыре у вас тут пожить, отдохнуть, сил набраться, ну и поработать. Не подскажите, у кого на постое остановиться? Я заплачу.

— Из Москвы, скаживаешь? — прищурился старик, оценивая Самсонаваса. — Так ить подумкать надоть. Ежели в Шишки к Петке и Федке, так ить пьют и мордобитствуют. Не пойдешь?

— Не пойду, — улыбнулся Миколас.

— Ну, и правда. А ежели к брательнику мому Кирьяну, так ить пьёт и мордобитствуют. А ишо Маруску равнуить. Не пойдешь?

— Не-а, — еле сдерживая смех, закрутил головой Миколас.

— Ну, и правда. Тогдять, получатся, к Гнату Шишкову. Он самогонщик справной, тожа пьёт и мордобитствует. Не пойдёшь?

— Нет, не пойду, — расхохотался Самсонавас. — А Авдота с Агафой тоже пьют, наверное, и мордобитствуют?

— Ну не так, как Петка с Федкой, всё жа они бабы, — хитро прищурился дедок. — Но оцарапать можуть хужа кошки.

— А ещё кто в округе живёт? Или всех назвал? — вмешался в разговор водитель.

— Чё ж не жить, жавуть. И кум жавёт, Гавря Шишков, и кума жавёт, Нинеля Шишкова, и в других Шишках Минька жавёт.

— Тоже Шишков? — давился от смеха Миколас.

— Ясно дело.

— И тоже пьёт и мордобитствует?

— Ясно дело.

— Получается, ты один не пьёшь, наверное, и по характеру паинька?

— Ясно дело.

— Так, может, мне у тебя и расположиться на постой? — подмигнул Миколас водителю.

— Ясно дело.

— Ну, так и быть, остаюсь, — протянул старику руку художник. — Я — Миколас Самсонавас.

— Лях, што ли? — глаза старика хищно блеснули.

— Нет, литовец по отцу, а так русский.

— Ну-ну. А ентот хто будет? — обратился дед в сторону водителя. — Не шведец ли?

— Сам ты шведец, — обиделся водитель. — Я вообще русский украинец с Казахстана.

Мои предки, казаки вольные, Запорожскую Сечь создавали. Слышал о такой? И имя мое Мирон. Усёк?

— Ну да, ну да, — согласно закивал головой старик. — А меня Козимой прозвали.

— А по отчеству? — спросил Миколас.

— А по батюшке Сильч.

— Кузьма Сильч, значит?

— Ага, ага. Козима Сильч.

— Ну, ладно, Кузьма Сильч, показывай свои хоромы.

Пройдя через сени, Миколас с водителем попали в просторную кухню с огромной русской печью. Кузьма Сильч пересек её и отдернул занавеску, скрывавшую небольшую комнатку, в одном углу которой стояла железная панцирная кровать, заправленная лоскутным одеялом, а в другом — старая этажерка и шкаф. Рядом с кроватью притули-

лась кривоногая табуретка.

— Вот здесь и жави. Устроить? — обратился к Миколасу Кузьма Сильч.

— Устроит, — вошёл в комнату Самсонавас и повернулся к водителю. — Звони своему шефу, что всё в порядке, место нашли, и завтра я приступаю к работе.

Водитель поднёс мобильник к уху, дождался ответа и стал докладывать хозяину обстановку.

— Чагой-то он, молится? — зашептал старик, показывая пальцем на Мирона.

— Звонит, — усмехнулся Миколас.

— Гдей-тоть звонють? Не слахать, — приложил к уху ладонь дед.

— Да нет, это он звонит, начальству своему.

— Кудыть?

— Начальству.

— Так ить чем?

— Что чем?

— Звонить чем?

— А-а-а, — заулыбался Миколас. — Мобильником, дед. Штука вон у него в руке такая, на коробок спичечный смахивает, телефон современный.

— Идишь, — отмахнулся от Миколаса Кузьма Сильч. — А то я талафону не знаю.

— Нет, правда-правда, хочешь послушать?

— Идишь, буду ашо. Што я, малой — голову дурить? Талафон со шнуром и трубою, — обидчиво надулся старик и, развернувшись, вышел из комнаты.

Водитель тоже закончил разговор по мобильнику.

— Ну что, всё доложил? — поинтересовался Миколас.

— Да-а-а, — удручённо почесал затылок Мирон.

— Случилось что?

— Пахан приказал при тебе оставаться.

— Что значит «приказал»? — разозлился Самсонавас. — Вот ещё новость! Не нужен ты мне. Поезжай домой — и точка.

— Не, не могу, — покачал головой Мирон. — Пахан приказал.

— Дай мне трубку, я сам с ним поговорю, — протянул руку Миколас.

— Не, не могу, батарейка села, подзарядить надо бы.

— Ну так заряжай, чего ждешь?

— А вот смотрю кругом и ни одной розетки не вижу. И ламп нигде нет.

Миколас тоже внимательно обвёл взглядом комнату, но ничего электрического не обнаружил. Выйдя в кухню, он поднял голову к потолку. Люстры там не было.

— Кузьма Сильч, — растерянно посмотрел на деда художник, — а розетки-то где?

— А нетути.

— Как — нету?

— А так, нетути и нетути. А пошто их держать, коли и света нетути.

— Как так и света нетути? — перешёл на дедовский лексикон Миколас.

— А вот так. Как Петка с Федькой все проводы со столбцов посняли годов эдак десять назад, так и жавём без лактричества.

— Ни фига себе! — присвистнул Мирон. — И чё, вы, получается, и телик не смотрите?

— Талавизор, што ль? — переспросил Кузьма Сильч.

— Ну да.

— Дык у мини яго отродясь не было.

— Счастливый человек, — с завистью вздохнул Миколас.

— Какой счастливый? — возмутился Мирон. — Это же дурдом какой-то. Как же можно без телика жить. Я б повесился через неделю. Ни «Кривое зеркало», ни «Поле чудес» не посмотреть. Дикость какая-то. Этим Петьке с Федькой головы надо пооткручивать.

— Не. Нельзя, — не согласился Кузьма Сильч. — Кто тогдаты по муку, по соль да по шпишки ездить нам будить? Окромья Петки и Федки некому. Трахтур токмо у их имеется. А то и кафеток кады привезуть.

— Слышь, художник, поехали отсюда, пока не стемнело, — повернулся Мирон к Миколасу. — Там на трассе деревень куча. В них и свет есть, и телевизор.

— Не-а, — улыбнулся в ответ Миколас. — Мне это в самый раз подходит, самое то для творчества. Никакой цивилизации.

— Не понял? — изумлённо уставился на художника Мирон. — Ты чё, тут хочешь остаться? В этой дыре?

— Ну да.

— Подожди-подожди, а мне-то что делать?

— Домой езжай, я ж тебе говорил.

— Нельзя мне домой, за тобой приказано присматривать, — сник как-то сразу Мирон и умоляюще обратился к Миколасу: — А может, передумаешь, а?

— Нет, — твёрдо ответил художник. — Ты, Мирон, ехал бы. Не можешь домой, остановись у кого-нибудь в райцентре, будешь оттуда ко мне наезжать.

— Правда? — ожил Мирон.

— Правда.

— Точно, блин, — хлопнул себя по бритой башке Мирон, вспомнив о чём-то. — Так я поеду, а то там Петросян скоро.

— Езжай, я тут и без тебя справлюсь.

После отъезда Мирона Миколас перетащил свои вещи в комнатку, достал из приезжённого с собой ящика бутылку с коньяком, вышел на крыльцо и подсел на ступеньки к курившему самосад деду.

— Ну что, Кузьма Силыч, а не распить ли нам за знакомство бутылочку коньячка?

— А давай, — согласился дед. — Токма бражничать тута на дворе будем, а то в дому скоро стемнеет, мимоть рота как быть не пронести.

— Ну, на улице, так на улице, — довольно потёр руки Миколас и мечтательно произнёс: — Хоть на закат полюбуюсь, сто лет его не видел, да может, наконец-то, картину настоящую напишу.

— Дык полюбуюся, полюбуюся, мабуть, и напишешь, — пыхнул козьей ножкой старик.

И вот, когда уже почти затух закат и была уговорена бутылочка коньяка, вдали раздалось прерывистое тарактение.

— Это что? — прислушался к странному звуку Самсонавас.

— А-а, енто Петка с Федкой на трахтуре едут. Видать, гдей-тойть каросину добыли.

Через минут пять во двор Силыча вкатился допотопный драндулет, отдалённо напоминающий трактор «Беларусь», выпустил облако вонючего дыма и обречённо заглох. Из покорёженной кабины, когда-то синего цвета, а сейчас сплошь покрытой ржавыми проплешинами, кряхтя, спустились два одинаковых кряжистых низкорослых бородача в замызганных телогрейках, в штанах галифе военного покроя и кирзачах. Пошатываясь, они подошли к костерку, у которого беседовали Миколас со стариком.

— Здоров будешь, Козима Силыч, — снял кепку перед хозяином один из близнецов.

— И тебе здорову быть, Петка.

— Здоров будешь, Козима Силыч, — снял кепку и второй близнец.

— И тебе тож здорову быть, Федка.

— Подсести могём до огоньку? — сел к костру первый брат.

— Дык сел ужо.

— И то верно, — согласился, усаживаясь, Федька.

Минуты две у костра стояла тишина, которую нарушил вздох Петьки:

— У тебя, Козима Силыч, сказывают, гость объявился?

— А хто сказывает?

— Дык ходют слухи, — ответил Петька.

— А-а-а, — кивнул старик.

Над костром снова повисла тишина. Миколас с любопытством и удивлением рассматривал двух братьев, которые будто и не замечали его присутствия.

— Говорят, ажно с самой Москвы, — нарушил затянувшееся молчание второй брат.

— И будто лях?

— А хто говорить? — повернул к нему голову старик.

— Дык ходют слухи, — ответил Федька.

— А-а-а.

И опять над костром повисло молчание.

— Познакомил бы, — через несколько минут оторвал от костра взгляд Петька.

— Дык я не супротив, токмо вот знакомка у вас исть али как? — растянул губы в хитрой улыбке Кузьма Силыч.

— А как жа! Чё мы, не русские люди без знакомки по дворам шастат? — оживился Петька и повернулся к заулыбавшемуся брату. — А ну-ка, Федка, слётай мигом к трахтуру, достань там знакомку.

Федька тут же вскочил на ноги, будто только этого и ждал. Вскоре на траву опустилась трёхлитровая банка, наполненная мутноватой жидкостью.

— Кряпка? — облизнулся старик.

— Забижаешь, — нахмурился Петька. — Крепчеe столишной будет.

— А ты её пивал, столишную-то? — хихикнул старик.

— Забижаешь, — ещё больше сдвинул брови Петька. — Што, мы с Федкой совсем ужо дякие, што ли?

— А может, мне это... — попытался встать на ноги Миколас.

— Сяди ужо, — придержал рукой художника старик, поняв его намерения. — Успеешь ищё до ветру. Сначала поручкайтесь. Это Петка с Федкой, братья близняковые. Петка старшой.

- На двадцать минут, — гордо расправился Петька.
- Во-во, — подтвердил Кузьма Силыч. — А ентот, Федка, младшой, с отставанием, значитя.
- С каким таким отставанием? — вскочил на ноги Федька.
- Сядь, пятах! — цыкнул на него Петька. — А то забыл, как в школе учился?
- А чё в школе? — обиженно забубнил в бороду Федька, опускаясь на траву. — Когда енто было? Дык што, из-за ентого до старости в дурнях ходить, што ли?
- А енто Миколас, — не замечая возмущения Федьки, продолжал знакомить своих гостей старик. — По-нашему, Микола, значитя, будеть.
- Лях? — вновь нахмурился Петька и потянулся к банке. — Для ляха знакомки не станется.
- Не-е, — успокоил его Кузьма Силыч. — Наш ён, русской. Енто родители у яго ляхи или шведцы. Тьфу, забыл. Подсоби, Микола.
- Литовец по отцу, а по матери русский.
- Ну, ежели по батьке, тады ладно, — убрал руки от банки Петька. — В жисти всяко быват. У нас вона с Федкой папаня дык вовсе староверской народности, по морде тожа бородатый был, весь в нас. А по карахтеру самый, што ни на есть яврей, бросил маманьку, когдаты нам и осимнадцати ащё не было. И сгинул гдей-тотъ без слуху и духу. А ты сам-то хто по жисти будешь?
- Художник. Портреты пишу.
- А-а, — многозначительно закивали Петька с Федькой. — А к нам в Шишки пошто?
- Да хочю лица местных жителей написать.
- А-а, — вновь закивали братья. — А каво?
- Так кого назовёте, того и напишу. Передовиков ваших. Доярок, пастухов, механизаторов.
- А-а, — разочарованно переглянулись Петька с Федькой. — Енто мимо.
- Чего мимо? — не понял Миколас.
- Нетуть у нас таковских.
- Каких таковских?
- Ну, доярков, ахрономов, мехнизаторов.
- А вы разве не механизаторы?
- Не-а, мы с Федкой трахтуристы, — отрицательно покачал головой Петька. — Мы по трахтурной части. Кому чаво привезть, ежели нужда стала.
- Давайте ужо сугреваться, — недовольно вмешался Кузьма Силыч. — А то совсем ужо простынем, чай не солнце.
- Знакомился Миколас со странными обитателями глухой стороны почти до утра, пока не кончилась трёхлитровая банка. И когда Федька, выделявая замысловатые кренделя, направился к трактору за второй банкой, столичный гость завалился на траву и тут же уснул. Проснувшись, Миколас повернул голову направо. Рядом на спине, раскинув руки и открыв рот, лежал то ли Петька, то ли Федька и раскатисто храпел.
- Ты хто? — грозно прозвучало сверху.
- Я-то? — вздрогнул от неожиданности Миколас, увидев склонившегося над ним одного из трактористов. В руке близнеца был зажат топор.
- Ты-то, ты-то. Лях?
- Не-е, Петка. Ён с Москвы, ён Микола, — подал голос с крыльца своего дома Кузьма Силыч. — Ён мулеватель, мулевать приихал.
- А-а, — отступил от Миколаса Петька. — Мулеватель — енто хорошо. Нам с Федкой трахтур замулюет. Смогёшь?
- Смогу, — вытер выступивший на лбу пот Миколас.
- Ну, тады надоть выпить знакомки. Меня Петкой кличут, а енто Федка спит, вчерась, верно, напилася.
- Не-не-не! — в ужасе запротестовал Миколас, увидев, как Петька зашагал к трактору.
- Молчи, Микола, — зашептал подошедший к нему Кузьма Силыч. — Знакомку надоть выпить, а то хужей будеть.
- Петька принес очередную трёхлитровую банку самогона, и пиршество продолжилось. С этого момента Миколас Самсонавас практически полностью перестал ориентироваться в происходящем. Он пил, чем-то закусывал, пел песни, спорил, ругался, отключался, потом опять пил, закусывал, пел, танцевал, вырубался, приходил в себя, куда-то ехал, с кем-то знакомился, пил, закусывал, пел песни, ругался, дрался, танцевал, вырубался.
- Ты хто? — услышал Самсонавас в очередной раз, отрывая голову от стола.
- Я?
- Ну не я же!
- Микола. А ты хто?

— Я? — тупо посмотрел на него бородатый мужик.

— Ну не я ж.

— Петка.

— А знакомка хде?

— У Мирошки надоть поспрашать, — повернулся бородач в сторону русской печи. — Мирошка, хде знакомка?

Шторка над полатами раздвинулась, и оттуда вылезла здоровая заросшая физиономия ещё одного мужика. На мгновение Миколасу показалось что-то знакомое в этом лице. Будто он уже когда-то встречался с этим человеком. Но это хрупкое воспоминание тут же исчезло.

— Это ищё хто?

— Этоть Мирошка, брательник наш с Федкой. Недавноть нашёлся.

— Хде?

— Да ить здесь, около дому. Ишо до холодов прибудился, — принял из рук Мирошки трёхлитровую банку Петька. — Дикой вот токмо малость. Усё молчит больше, а как выпьет, дык заговаривает, и усё про талавизер чагой-то.

Услышав знакомое слово, Мирошка расплылся глупой улыбкой, закивал головой и выдал скороговоркой, жестикулируя руками:

— Талавизер, дырк, пр-р-р, хр-р-р, опа-па! Талавизер, дырк, пырк, вжик, опа-па! Талавизер, хр-р-р, опа-па! Мне!

— Видать, ён мастак у вас по талавизерам, эгэгэ, видать, в школе сдавал, — предположил Миколас и задумчиво посмотрел в окно. — Ужеть снег. Давно?

— Дён семь как, — поднял кружку самогонки Петька.

Выпив и закусив варёной картошкой, Миколас с силой потёр лоб, пытаясь удержать какие-то воспоминания, вновь промелькнувшие в его воспалённом мозгу.

— А я хто? — обратился он к Петьке после тщетной попытки восстановить память.

— Микола.

— А-а, — попытался встать из-за стола Миколас, но ноги не держали. — А хде я?

— У нас, в Шишках.

— А-а. А живу хде?

— Чичас узнаю, — наклонился под стол Петька и пнул кого-то ногой. — Федка, Микола чейный?

— Козимы Силыча сын, — раздалось из-под стола. — Мулеватель.

Миколас тоже нагнулся вниз. Под столом, свернувшись калачиком, лежал бородатый мужик — точная копия Петьки.

— А чаво я у вас делаю?

— Дык трахтур приехал мулевать.

— Давно?

— Дык, можо, месяц, а можо, два. Хто его знат. С лета ты при нас, — кряхтя, вылез из-под стола и налил себе самогонки бородач. — Покась по всем Шишкам проехали да у всех сродственников наших Шишковых прогостевали, дык всё с нами был. Завтрась-послезавтрась к Козиме Силычу, батьку твоему, назад тябя отдадим. Жалкость, родимый со всем стал, как Мирошка.

— А давай за жалкость споём, — предложил Петька, обнося всех самогоном, и первый затянул: «Эх, мороз, мороз, не морозь меня...»

К дому Кузьмы Силыча уже почти по темноте подъехал вездеход. Из него выскочили четверо здоровенных мордovorотов и, суетливо озираясь, взбежали на крыльцо. Двое из них тут же скрылись в сенях. Через несколько минут один вернулся назад и проговорил в микрофон, скрытый в воротнике куртки:

— Всё чисто, можно выходить.

После этого разрешения дверца вездехода медленно открылась, и из него вылез наружу владелец банка, заключивший ещё летом с Миколасом Самсонавасом договор на будущие картины художника. За банкиром осторожно ступил в снег высокий худощавый мужчина, одетый в форменное пальто с прокурорскими петлицами.

— Чё, есть кто в хате? — обратился банкир к своему телохранилю.

— Только один старик.

— И всё?

— Больше никого.

— Ну, пойдём, Ягужинский, поспрошаем аборигена по поводу художника, — зашагал к дому банкир, приглашая за собой прокурора.

— Билл Иванович, вы точно уверены, что Самсонавас сюда направился?

— Точно, точно, Паша. Я ж тебе уже говорил, что водила — мой человек, отсюда откуда-то звонил летом в последний раз. А потом всё, как обрезало. Я особо не дёргался, мало ли, может, мобилу потерял. Но вот уже Новый год на носу, а о них ни слуху ни духу. Странно всё это.

Не отряхнув снег с обуви, оба прошли в кухню. За столом сидел Кузьма Сильч и спокойно рассматривал визитеров.

— Ну, старик, рассказывай, — присел на табуретку напротив деда банкир.

— Об чём? — достал из кармана кисет Кузьма Сильч.

— О художнике, что летом сюда картины рисовать приезжал.

— Дык не було никого.

— Не свисти, старый, отсюда звонили, докладывали.

— Дык у мени и талафону нетуть.

— Дурака не валяй, звонили с мобилы.

— С какой могилы? — испуганно отшатнулся в сторону Кузьма Сильч и перекрестился.

— Не дуркуй, батя, не прикидывайся, будто не знаешь, с какой такой мобилы, — встрял в разговор Ягужинский.

— Вот ты крест! — истоиво перекрестился Кузьма Сильч. — И знать не знаю ни про каку могилу. У нас в Шишках год как никто не мёр, слава тя господи. Усе Шишковы пока што жавые да здоровые, жавуть да вам жалають.

— Чего ты несёшь, старый? — перебил Кузьму Сильча банкир. — Какие Шишки, какие Шишковы? Что-то мы, кроме твоей развалюхи, никаких домов больше не встретили.

— Ну, дык ня тою дорогою ехали.

— Мы вообще без всякой дороги сюда добирались.

— Ну, дык занесло яё усю.

— Ладно, дед, короче, где художник Миколас Самсонавас? — угрожающе надвинулся на Кузьму Сильча банкир.

— Дык нема у нас таковских и отродясь не було. Микола исть, а Миколаса нема.

— Послушайте, Билл Иванович, а может, ну его, может, действительно не было тут никого, — вновь вмешался прокурор.

— Как не было, если последний звонок отсюда прошёл, — поднялся с табуретки и зло ударил сапогом ножку стола банкир. — Объяснить можешь?

— Ну, трудно, конечно, Билл Иванович, но попробую, — закурил «Парламент» прокурор. — Тут вот какое дело, места эти с недоброй славой ещё с давних времён. Много здесь народу сгинуло. А началось всё ещё с Ивана Сусанина, когда он где-то в этих лесах поляков сгубил. Вот с тех пор пришлые людишки в этом углу и пропадают. Из недавнего, помните, лет десять тому, замминистра сельского хозяйства Игнат Васильевич со свитой приезжал? Он ещё грозился эти угоды в бессрочную аренду китайцам отдать.

— Ну? — насутился банкир.

— Сгинул и сам, и свита, и всё сельское хозяйство. Так и не нашли. А ещё замминистра образования Аграфена Николаевна года три назад сунулась со своей модернизацией сельские школы закрывать. Помните?

— Ну.

— Школы успела зарыть, а сама сгинула.

— Не нашли?

— Нет, ни её саму, ни сопровождающих. Как в воду канули. Места после этого совсем глухие стали. Даже свои ездить сюда побаиваются.

— Подожди, подожди, — вытащил из своей куртки фляжку с коньяком банкир. — Так это, значит, и министр здравоохранения Гавриил Алексеевич с министром культуры Ниной Андреевной тоже где-то здесь?

— Ну да, когда клубы с библиотеками да ФАПы закрывали, — взял из рук банкира фляжку прокурор. — Мы сюда и войска посылали прочёсывать. Бесплезно. Гиблые места, одно слово — сусанинские. Тут ещё кандидат в депутаты Дмитрий Пустовой тоже где-то сгинул.

— Точно, пропал он. Мы его финансово прикармливали. Уж больно сказки народу хорошо рассказывал про светлое будущее — заслушаешься. Вообще, чертовщина какая-то, — поёжился банкир и повернулся к Кузьме Сильчу. — А про Миколу своего ты всё ж скажи, дед, где он у вас проживает.

— А тама, — махнул рукой старик в направлении леса. — Близко.

— Поихали, Ягужинский, проверкаем.

— А может, не стоит, Била Иваныч? Ну яго, мулевателя энтого, — опасно покосился на старика прокурор.

— Ехаем, Паня, ехаем, чуить моё сердешко, што свидимся вскорости с Миколою нашем, здесь ён, — уверенно шагнул за порог банкир.

Кузьма Сильч, кряхтя, поднялся с лавки, подошёл к шкафчику, достал оттуда литровую бутылку самогона, наполнил стакан и залпом его выпил.

— Эка хороша! — крякнул он от удовольствия и, глядя в окно на удаляющийся вездеход, задумчиво произнёс: — К Петке с Федкой супостаты поехали, к Сусаниным по матери...